

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте на тему «Понятие ноономики в
работах ИНИР». Стенограмма
(25.12.2018 г.)**

Участники:

С.Д.Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им.С.Ю.Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор;

А.В.Бузгалин – руководитель Центра социэкономике кафедры политической экономии МГУ им.М.В.Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю.Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Термин «ноономика» введен Вами в научный оборот недавно – я впервые его увидел в Вашей новой книге. И хотя в книге Вы даете определение этого термина, как показало обсуждение книги, далеко не все читатели осознали заложенный Вами в него смысл. Кое кто пошел по простейшему пути – соединил два уже известных в широких кругах термина «ноосфера» и «экономика» и получил некую «ноосферную экономику». При этом, при более глубоком анализе текста книги приходит понимание, что это – не так! Давайте сегодня разберемся с тем, что же такое «ноономика», и почему это – не ноосферная экономика. Так что наш с Вами диалог, Сергей Дмитриевич, об этом. Итак, почему?

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Да, ноономика – это не «ноосферная экономика».

Давайте разберемся, иначе смысл всей книги не будет воспринят так, как я его понимаю. Кстати, термин этот достаточно давний, я его впервые лет десять тому назад в какой-то статье пропечатал, что-то про пути модернизации общества, просто для Вас он новый. «Ноо», которое здесь, в этом слове «ноономика» – оно носит некий сакральный, такой глубокий, корневой, древнегреческий смысл, подразумевая «ноос». Не

ноосферу! «Ноос» – это разум, но не просто разум, а знания, это такие сухие в определенном плане, нейтральные знания абсолютно...

АВБ. То есть – это свободная мировая, историческая совокупность знаний.

СДБ. Нет.

АВБ. Нет?

СДБ. Нет. «Ноос» – это не знания – в смысле, который Вы назвали (если я Вас правильно понял), не вся «мировая» совокупность знаний, не Знание (как Абсолют). Знание существует само по себе.

АВБ. Так.

СДБ. Но это и не «разум» – сам по себе, как абстрактное понятие.

АВБ. Так.

СДБ. Всё гораздо тоньше и сложнее. Потому что разум и знания тоже соотносятся по-разному. Потому что разум в критериальной базе, которая формируется на базе познания, тоже формируется на базе познания. Разум – это и часть знания, которая позволяет оценить некое соответствие этой части знания некоторой критериальной базе, и часть знания, составляющая саму критериальную базу. Разумно или неразумно нечто в критериальной базе. «Ноос» тоже имеет свою критериальную базу. Но она, эта «ноо»-база, гораздо шире и не утилитарна. Более того, она изменяема с познанием нового знания. О критериальной базе разума иносказательно говорится с древнейших времен. К примеру, уже в Библии, в Слове о законе (!) и благодати (!), говорилось: «в разуме истинные приведе», то бишь критериальная база разума – это истина, некая непреходящая осознанная ценность; а тот «круг» знания, который определяется этой критериальной базой, есть «свет разума», остальное же – тьма! Именно в таком, глубинном смысле надо понимать греческое слово «ноос». Кстати, его перевод на латынь – «рацио», по моему пониманию, совершенно не точно, поскольку рацио – это соответствие чего-то (какого-то знания) любым (!) выбранным критериям, и это что-то вовсе не обязательно должно быть «светом» и «истинные приведе». Экономика, положим, рациональна (ну, или стремится к рациональности), но – разумна

ли она? Безусловно разумны ли поступающие безусловно рационально (с точки зрения критериальной базы существующей экономики) субъекты нынешней экономической деятельности? Кроме того, радио не занимается осознанием нового знания, в отличие от разума. И вот в этом плане, когда мы говорим о ноономике, то мы подразумеваем, что это – некие особые, основанные на «ноо» принципы формирования способов удовлетворения потребностей людей. Причем – возрастающих, но «ноо»-потребностей. Это – особый хозяйственный способ, способ хозяйствования. Нооспособ, если угодно. Так же, как экономика – способ хозяйствования в экономическом обществе, ноономика – способ хозяйствования в ноообществе. В древнем обществе тоже был свой способ хозяйствования – к примеру, собирательство. Сегодняшнее экономическое общество вместо собирательства практикует экономику. Ноономика – это вот такое «собирательство» в ноообществе. И ни в какой не ноосфере. Ноосфера – это сфера использования, применение «ноо»-принципа человеком в том пространстве, в котором он живет. Это может быть биосфера, где биологические существа существуют и живут, и осуществляют преобразование природы в своих целях. Например, съел там лист или плод какой-нибудь...

АВБ. Да.

СДБ. ...превратил во что-нибудь другое, и вот это уже преобразование природы через биосферу. Вот – бактерии сели, нечто разложили на другую материю какую-то, на элементарные частицы, конкреции образовались – это преобразование. На дне морей огромное количество конкреций, которые создали бактерии, так? И так далее и тому подобное. Человек тоже по-своему преобразует для своих потребностей природу. Если мы говорим о том, что он своим разумом преобразует природу, преобразует вокруг окружающее пространство под свои цели и задачи, и осваивая его, и понимая его суть – это и есть ноосфера, в моем понимании.

АВБ. Да.

СДБ. Совсе не в чисто биологическом или в геологическом, или в каком-то еще. А ноообщество – это не ноосфера, это – общество. Это – общество людей, таких же, как наше общество, экономическое, как любое другое. У него есть

свои интересы, общественные интересы, есть интересы живущих в нем людей, и так далее. Другое дело, что если у нас экономическое общество, оно завязано на удовлетворение потребностей через экономику. А экономика – это способ, основанный на отношении к собственности. Вот в этом плане капиталистическое общество, социалистическое общество, коммунистическое общество и так далее, это общество, где разное отношение к собственности, и, если говорить о собственности, которая рождается в труде, то – к производству, к средствам производства, и так далее. Отсюда у Маркса все эти вещи. По крайней мере, мне так кажется.

А с другой стороны, ноономика, вторая половина этого термина, это – «номос». «Номос» – это древнее понятие, греческих также корней, которое в философии первой трети XX века стало применяться в смысле базового принципа организации любого пространства (см. хотя бы К. Шмитта, его «Номос Земли», известную книжку), всеобщего закона, абсолютного закона существования всего сущего. Т.о., это – закон, порядок, уклад, принцип организации хозяйствования, хозяйствование, хозяйство. Вспомните еще раз библейское Слово о законе (номос!) и благодати (ноос!). То есть, ноономика – это способ удовлетворения потребностей в таком обществе, где есть «свет разума», и где нет отношения к производству, и производственных отношений, где нет отношения к собственности, и отношений собственности, где нет экономики и невозможна экономика. Это – неэкономический способ удовлетворения ноопотребностей. Поэтому глупо говорить о «ноосферной экономике», просто глупо, потому что это означает полное непонимание того, что есть ноономика.

АВБ. Определение, противоречие в определениях...

СДБ. Конечно, это – когнитивный диссонанс, что называется, или когда говорят «масляное железо», примерно то же самое.

АВБ. Или «желтый логарифм».

СДБ. Да, «желтый логарифм»... Нет, ещё интереснее. Точнее – «травоядный хищник», «"нехищнический" хищник».

В этом плане принцип, который я исповедываю – он говорит о чём? О том, что технологически грамотно выстроенная линия развития – наиболее разумный способ сублимирования знаний

человеком для удовлетворения своих потребностей, понимаете? Потому что технологии, утилитарно, направлены именно на это, не распыляясь никуда. Они исключительно для этого существуют и возникают, для этого. Вопрос – в потребностях, их разумности, в «доле» «ноо» в них. Когда технологический прогресс мы направляем «правильно», то в этом случае он обеспечивает удовлетворение потребностей в максимальной степени и с минимальными затратами материальных и прочих ресурсов. Рациональнее. Но «рацио» при этом меньше, чем «ноо», чем разум. Но он как раз, технологический процесс, для этого. Сугубо рационально, какие бы ни были заданные потребностями критерии. И вот для того, чтобы этот процесс пошёл в какую-то другую сторону, не просто рационализировался, но «ноо»-лизировался, человеку необходима другая часть знания.

АВБ. Да, а именно?

СДБ. Она называется культура. Она называется «ограничение симулятивных потребностей». Культура, этика – антагонист экономики, по своей глубинной сущности. Экономика в принципе построена на достижении выгоды, а где есть выгода одного – там всегда проигрыш другого, и неча плести небылицы о «взаимовыгодных экономических отношениях»; это – всегда неравенство, неравный доступ к благам, несправедливость. И это противоречие снимется тоже технологическим прогрессом, путем формирования ноопотребностей и через ноономику как неэкономический способ удовлетворения ноопотребностей. Вообще, я говорю: эта часть знания – о потребностях, о ноопотребностях. Ноопотребности – это потребности, которые не просто есть реальные потребности. Не те потребности, которые в известной конструкции Маслоу, базовые некие там, и прочее, и прочее. Это – с одной стороны, потребности, которые человек формирует в процессе своего развития. Сегодня это – одни потребности, завтра – другие, послезавтра – третьи. Но каждый раз, с другой стороны, они должны быть ограничены теми «ноо»-принципами формирования потребностей, которое диктует ему культура как внутреннее самоощущение.

АВБ. И, наверное, как тот внешний, но исторический и общемировой контекст, который человека делает человеком культурным. Вот правильно это или неправильно?

СДБ. Я думаю, да. Культура в наиболее общем смысле. Я думаю, что вы правы в этой части формулировки.

АВБ. Я просто стараюсь правильно воспроизвести Ваши идеи, в данном случае.

СДБ. Это очень простая и понятная концептуальная форма. Её просто нужно объяснить людям.

АВБ. Она выглядит простой, но на самом деле – очень сложная, по существу.

СДБ. Не знаю. Мне кажется – всё просто и даже очевидно, если вникнуть, а людям – не принять с ходу. Например, Воейков Михаил Илларионович, уважаемый мною политэкономом, который выступал на презентации книги «Ноономика» в декабре на Non fiction, начал говорить какие-то просто удивительно смешные вещи. Он, конечно, юморист. Но на презентации была фраза Воейкова, я её перечитывал, и меня даже несколько покорило непонимание им того, что он говорит, что он произносит о сути нооустройства общества. Он, хотя вроде так, в шутку, сказал, типа, если почитать Бодрунова, то можно забыть и Жюля Верна, и «Манифест коммунистической партии», потому что в книге идеи и того, и другого присутствуют. Он говорит там о чем? Например, если я не ошибаюсь, вроде бы он там сказал что-то типа того, что количество рабочих мест увеличивается, а не уменьшается, там – что-то такое. Но если читаете книжку – что это за места? Где творческий процесс? И «рабочие» ли это будут места? Он либо не дочитал, либо не понял, о чем речь. Скорее, я невнятно прописал. Нет экономики – нет и рабочих мест в нынешнем понимании. Об этом речь.

АВБ. Здесь – нет, я думаю, он скорее имел в виду другое, взгляд на Жюля Верна как на того, кто правильно увидел тренды.

СДБ. Ну, может быть, если говорить чисто о технологическом развитии.

АВБ. Развитии, да.

СДБ. Тренды, да. Но это – совсем малая часть. У меня это – как инструмент, как подспорье, объясняющее особенности сегодняшней ситуации, роль технологического прогресса в развитии общества. Его базовую, базисную, как в «марксовом» выражении, роль. Базисную. Как материальное первично, если философски посмотреть – так и это, материальная чисто часть, которая «вылезает» таким образом через технологии. Это –

материальная часть нашего мира и нашей базовой конструкции, нашего жизнеобеспечения. Но при этом она причудливейшим образом, «двойственно» (как в природе, все двойственно, свет – двойственный, и т.п.), она объединяет в себе знания, нематериальную часть. И чем больше знаний в этом элементе производства – технологии, и во всех других элементах производственного процесса, тем быстрее, сильнее и сложнее удовлетворяются человеческие потребности, понимаете? И в этом плане мы должны говорить, что при определенном «ноо»-принципе формирования системы производственной, которая обеспечивает человеческие потребности, её «добавление», этой системы, её развитие находится под контролем человека. Человека как творца, как созидателя.

АВБ. А вот это очень важно, да.

СДБ. Он будет созидать эту систему. Производственную. Производящую. Он уже не будет внутри неё находиться. Потому что у неё «внутри» – это отношения собственности, а их там, в ноообществе, нет. И «внутри» нее, с другого аспекта посмотреть – это трудовое участие в производственном процессе (когда труд – элемент производственного процесса!). А его, такого участия, там тоже не будет! Он будет находиться вне этой системы. Социум будет контролировать эту систему, но не находиться внутри неё. Вот в этом плане та презентация, которая была у меня – она не совсем точна, понимаете? Там разделено просто на две системы, социальную и производящую, для упрощения. И в книжке – не совсем точно, схематично, без детализации и раскрытия смысла. А на самом деле – надо точнее говорить. Точнее. Я это понимал, но я текст писал к Конгрессу, всего за четыре месяца, я просто физически не успевал ничего поправить в «Ноономике». Теперь вот выслушиваю «непонятки»!..

АВБ. Сергей Дмитриевич, мысль всегда бежит быстрее, чем текст. Спокойнее.

СДБ. Во втором издании эти вещи было бы здорово прописать. Это – сложно, спешить нельзя, надо спокойно написать, с одной стороны. А с другой – «непонятки» могут читателей не туда увести. Дело в том, что время идет вперед, по ноономике уже семинары кем-то проводятся, по ноономике уже конференции всякие идут. Видел в интернете. Их ведут люди, не познавшие

толком смысла того, что я написал. И больше того, уже объявились люди, которые заявили, что термин «ноономика» придуман ими, Бодрунов вообще едва ли не их идеи украл относительно «ноосферной экономики», «разумной экономики» и т.п. бреда...

АВБ. Сергей Дмитриевич, это происходит с любым открытием. Вы это знаете по физике, по математике.

СДБ. Нет, но эти люди некоторые официально уже какие-то даже заявления делают. Не понимая смысла.

АВБ. Пусть делают, это их проблемы.

СДБ. Я просто к тому говорю, что я и спешить не могу, и не спешить не могу.

АВБ. Вот у Вас есть, я думаю, полгода, как минимум, даже больше, до сентября следующего года. До издания следующей Вашей книги. Этакой, как кажется важным, в трех частях – о реиндустриализации, НИО.2 и ноономике, в тесной связи одного с другим...

СДБ. Если говорить о новой книжке – то, соглашусь, да, она должна интегрировать в себе всю концептуальную платформу. Но она должна выглядеть не так, как сейчас Вы сказали – три части, пролог-эпилог... Она должна выглядеть по-другому. К примеру, методологическая часть будет в начале, допустим, в самом начале книги.

АВБ. Да.

СДБ. Понятно, что методология, обычная практика подсказывают необходимость описания всех этих вещей, ясно, что лучше начинать с методологии, с пояснений, с базовых вещей.

АВБ. Характеристики.

СДБ. Характеристика, да. А дальше – что из этого вытекает. Сначала – потребности, их анализ, интересы. Удовлетворение оных, технологическое развитие, вот то, что я вам поэтапно говорил. Потом – тренды, которые мы видим. Кризисная ситуация, которая ведёт к осознанию необходимости отказа от современного мироустройства, поясняет пути перенастройки. Здесь надо пояснение, что такое сегодня развитие общественных отношений, что такое финансиализация, что такое экономическое сначала общество, а потом финансиализация, и так далее. Я называю – «экономическое общество», это общество любое, любой той «формации», по Марксу, где возникли экономические, уже были

экономические отношения. Это – все равно, с моей точки зрения, какая там формация, это одно и то же экономическое общество, в котором было несколько технологических укладов, которые сформировали другие производственные отношения и другие соотношения общественные, надстройки. Но это всё равно экономическое общество. Неэкономическое – было до создания экономики. Постэкономическое будет после того, как экономика уйдёт, вот это будет, при определенных условиях, позитивном варианте преодоления грядущего кризиса, нообщество.

Далее, рассказывая, разъясняя эту платформу, мы приходим к чему? К тому, что поясняем, что технологии всякий раз создавали всё новые и новые условия, и так далее. И всякий раз они все усложнялись, в них всё больше было знаний. Чем больше знаний, тем больше общественные отношения усложнялись тоже. Возникло государство, возникли какие-то другие инструменты регулирования интересов людей, интересов общества, интересов каждого индивида и так далее, и тому подобное. Потому что потребности – это сублимированное выражение интересов, технологизированное выражение интересов. Технологизированное объяснение, как удовлетворить свою потребность, каковая потребность есть нечто – уже для того, чтобы интересно жить или выжить, надо есть, пить и так далее. Есть и выпить – это потребности. А интересы – жить, понимаете, вот в таком ключе.

Если говорить об этих вещах, то понятно, что для регулирования возникло государство со временем, написало писанные уложения. Возникли конструкции, которые расширяли государственные функции, и так далее. Всё это усложняется. Плюс взаимодействие государства с обществом, общества с технологиями, технология с обществом и государством, и так далее и тому подобное. Эти вещи надо было бы прописать, прописать детально. Показать, что сегодняшнее экономическое общество стоит на пороге своего краха. Почему? Потому что его всегда, общество, толкало вперед развитие технологий. Технологии становились при этом, однако, все более мощными. И экономический способ удовлетворения потребностей, сдерживающий развитие культуры (ограничителя симулятивностей), при таком всё умощняющемся технологическом нарастании неминуемо приведет к краху.

Если говорить о всех этих вещах, то в социальной надстройке происходят социальные революции. Но им предшествуют всегда революции технологические.

АВБ. Технологические.

СДБ. И сейчас – технологическая революция. Значит, впереди социальная революция. Но при этом мощность сегодняшних технологий уже такова, что при использовании их как средств борьбы мы рискуем потерять себя, как человека. Это – не обязательно земля взорвётся. Это может быть вмешательство в разум, когнитивные функции. Что угодно. Гибридное.

АВБ. Что угодно.

СДБ. И так далее, и тому подобное. И чем больше мы будем идти по этому пути, тем острее этот кризис будет возникать и нарастать. Поэтому надо думать об альтернативах.

И тут в будущей книге начинается альтернатива. Расписывается, что есть технологии и к чему они могут привести с точки зрения удовлетворения потребностей. Здесь все: и увеличение объемов бесплатных услуг, и базовый доход, и всё остальное, и это постепенный отход от собственности, снижение ее значимости, снижение значимости и роли капитала как ее эквивалента, и далее, далее. Падение роли экономических отношений, возвышение отношений неэкономических... Сначала формируется индустриальное общество второго поколения, где многие вещи становятся общественно обобществленными, где появляются множество продуктов, которыми люди пользуются бесплатно. Где изменяется отношение к собственности, где меняется отношения между собственниками, менеджерами, сторонами меритократизма, где меняется государственное управление и роль государства, и так далее и тому подобное. Кстати – о роли государства, ее изменении в процессе такой рево-эволюции я написал небольшую брошюру, назвал ее «Роль государства в условиях научно-технического развития», это – мой ответ тому же М.И.Воейкову на его вопрос, где я увидел ослабление в будущем роли государства; мой встречный вопрос – какого?..

Следующий этап, переходный этап, уже из этого последующий, он уже должен пройти без революции, плавно – за счёт того, что человек должен осознавать последствия революционного переворота. И все эти вещи можно было бы

описать, расписав ноообщество, отдельным блоком, состояние общества. Принципиально – что это за способ удовлетворения потребностей, что это за система производства, почему она вышла из системы отношений между людьми, стала существовать отдельно от человека, куда исчез труд, где исчезло что, где, чего... Где появилось занятие, а не труд. Я называю – занятие, не труд, «нетруд». Труд и трудно – слова однокоренные и односмысловые. Труд – элемент производственного процесса, его «человеческий» элемент. Именно он исчезнет. Другие элементы (материалы, технологии, организация производственного процесса) останутся. И принципиальная основа, способы управления общественными отношениями (управление здесь – нечто консенсусное, иное по смыслу, чем нынешнее), что это может быть, либо можно будет считать назвать «государством». Но это будет качественно иное государство. Главное отличие государства экономического общества от того, что будет потом – в чём? В том, что государство регулирует, наше государство, в первую очередь, экономические отношения, и все остальные тоже – как бы «прицепом». На самом деле экономические отношения исчезнут вместе с экономикой, останутся другие. И вот там всё равно без регулятора не обойтись. Поэтому, когда говорили, что – помните, Бакунин или псевдомарксисты...

АВБ. Об отмирании государства...

СДБ. Отмирание государства, и у Ленина так, революция и отмирание государства. Я думаю, что они просто не додумали до конца, что будет происходить, когда экономика умрёт. Как же так, экономика умирает у Ленина, и государство тоже умирает? А как жизнь регулируется? Саморегулирование, как у Ивана Ефремова?

АВБ. Примерно.

СДБ. Я думаю, что саморегулирование такое не может состояться, потому что всё равно необходимо каким-то образом узнавать, сопоставлять интересы других людей, необходимо формировать эту самую критериальную базу, которая движется всё время. Культурную я имею в виду базу критериальную, которая всё время движется с развитием. Значит, необходимы всё-таки какие-то оценки темпов и путей развития, и так далее и тому подобное. Какие-то способы консенсуса, нахождения консенсуса, консенсусного управления обществом, нечто подобное. Потому что

общество – это разные интересы, помимо того, что есть у людей интересы индивида, есть ещё общественные, общие интересы, сформированные сами по себе. И в этом плане это никуда не девается, это всё равно остаётся, понимаете? И чем дальше будет это развиваться, тем больше будет развиваться эта потребность такого способа регулирования. В этом плане роль государства – она вот такая. И эволюция его – в такую форму будет происходить.

И когда мы всё это объясним, мы можем перейти в книжке к оценке того, что есть и куда идти. Мы говорим, «а что же сегодня, блин, у нас в мире делается-та»? А вот, мы говорим – в мире делается то-то и то-то. Здесь можно упомянуть, и даже применить мир-системный подход, и с его методологией прощупать все остальные вещи, и периферические, и центральные, и «подносящие»-обслуживающие – и государства, и страны, и континенты, блоки, и так далее, и тому подобное, обеспечивающие или производящие, и прочее, и прочее, всё можно проанализировать. Вот почему Самир Амин здесь так важен, его идеи. Они ближе всего к моему пониманию.

АВБ. Да.

СДБ. Потому что здесь – это некое такое паллиативное объяснение, продвижение того экономического общества к сегодняшнему, к следующему обществу, которое сегодня существует, мы находимся в этой части. И объяснения Самира Амина и его соратников, того же Валлерстайна, всё, они очень здесь хорошо ложатся, потому что они реально объясняют ситуацию – как обстоит дело сегодня. А когда мы это всё объяснили, мы говорим – вы видели альтернативу? Видели. Мы вам выше прописали. Либо туда, либо сюда.

А теперь мы говорим, что когда такие альтернативы есть, к чему-то надо двигаться, необходимо найти конкретные шаги, что нужно сделать. Мы сегодня живём в экономическом обществе и технологическом обществе. Мы должны думать так, поставить дело так, чтобы экономические условия работали на развитие технологий. А не против. И чтобы технологическое развитие, ускоряющийся прогресс работал на развитие человека, а не против него. И реиндустриализацию вести высокотехнологичную, на передовой, знаниеёмкой технологической основе. И чтобы финансиализация была не в пользу финансиализации как таковой,

а чтобы возратить финансовому капиталу, или вообще – капиталу в целом в нашем обществе, на наступающем переходном этапе, функции производящего капитала. Поставить во главу угла вот это. При том, что производящий капитал – это не только капитал, который производит, утилитарно, «продукты питания», блага, такой капитал должен производить человека как творца.

АВБ. Это – да.

СДБ. Воспитание его, этого человека. И так далее, и тому подобное. Человек за относительно короткий исторический период воспитал себя из дикаря в создателя идеалов. И не надо говорить, что идеалы не воплощаются в институты. Это не так. У нас они заложены в правовых нормах, культурном коде и т.п. И работают! Почему наши спонсоры тратят свои деньги на Вольное экономическое общество России? Тратят деньги свои и силы на научные конференции и всё остальное? Потому что вклад в это дело обязан сделать тот, кто его может сделать, так? Почему развивается филантропия, благотворительность, волонтерство? Это – от осознания того, что на самом деле нужно. Это, конечно, не значит, что сейчас им нужно взять и отказаться от денег, и побежать, сказать: «А мы ребята тут такие, бессребреники, мы тут всё раздали всем, как библейский персонаж».

АВБ. Да.

СДБ. И ходи потом с протянутой рукой. Потому что общество никуда не делось, сегодня оно, экономическое общество, осталось. И надо разумно использовать предоставляемые им механизмы и возможности для развития человека, для реформатирования его из «зоо» в «ноо». Другое дело, что мы всегда должны не революционно, а эволюционно «поворачивать» его развитие, используя механизмы, какие есть у нас сегодня. Государственный механизм, в первую очередь. Общественные конструкции, во вторую очередь. Общественные формирования, общественные советы, что угодно, для выработки и формирования критериальной новой базы, для развития того же бизнеса – к примеру, возьмите кодекс честного бизнеса того же РСПП. Должен быть, условно говоря, не человеко-людоедский бизнес, а социально ориентированный, и так далее. Мы не будем производить, условно говоря, там какие-то вещи, которые делаются из всякого дерьма, сделали, слепили, например, там левые таблетки какие-нибудь или

водку какую-нибудь. Продали, схватили «прибыля», а вот – люди померли, так? Вот это надо на этом этапе всеми механизмами убирать, надо «править» общество. Вот это мы должны делать, на это нужно направить механизмы государства, направить инструменты, сегодняшние существующие инструменты: наказание, поощрение, и так далее. Если мы говорим о технологическом прогрессе, мы должны сформировать институты, которые поддерживают прогресс технологический. Многое можно сделать, главное – понимать, куда оглобли направлять. Например, моя простая инициатива, которую я недавно высказал в интервью, могу интервью прислать, если Вы не видели его ещё.

АВБ. Не видел.

СДБ. «Российскому телевидению» давал вчера интервью. Моя инициатива простая, но, на мой взгляд, при легкой реализуемости весьма может стать эффективной. У нас есть 12 национальных проектов. Президент сказал, что нам необходимо изменить нашу экономику, войти в высшую лигу. И это правильно. Почему? Потому что другая экономика – это высокотехнологичная экономика. Это – экономика «НИО.2», куда мы должны попасть. И для этого пытается государство изменить само себя, способ государственного управления. Я подчёркиваю, я напоминаю, я подсказываю, что необходимо больше меритократическое управление, больше меритократов в управлении. Людей, например, учёных, специалистов, которые всё хорошо понимают. Меритократов не по принципу, что «я там богаче, и поэтому я тут умнее», а по принципу «я умнее, и поэтому я богаче, и поэтому государство богаче». Это должны быть, в первую очередь, ученые, высокообразованные люди. Вот эти люди должны пойти. Почему конкурсы молодёжи стали делать? Для этого. Для отбора. И президент РАН об этом говорит – пора начинать работать с молодых ногтей с интеллектуальной элитой – она есть и резерв управленческих высокоумных кадров, и созидатель разумных будущих решений, и «реализатор» этих решений.

АВБ. Да.

СДБ. Почему, там, в том же ВЭО мы затеяли конкурс «Лучшая экономическая книга» – для этого. Чтобы обратить на это внимание и по капельке добавлять. А государство должно не по капельке, а мощно добавлять. И вот берём эти национальные

проекты и видим, там есть 12 проектов, им придаётся финансирование большое и предложены специальные способы управления. Государство перестраивается на управление по проектному способу. Да, есть у него и остальные базовые вещи. Но – есть проекты, целевые проекты, которые тянут экономику вперёд. Это – правильный подход, если, конечно, будет правильно реализован. Подход сам по себе я приветствую. Но я при этом спрашиваю, какие из этих проектов касаются технологического развития? А – никаких. Там есть отдельный проект «Наука» и есть проект «Цифровизация». Извините, цифровизация – это технологическая база, просто технологическая база. Это – не целевое развитие прорывных технологических направлений, а – одна из базовых компонент для оных.

АВБ. Один из аспектов.

СДБ. Даже не просто аспектов. Это просто, знаете, как всё равно что всем раздать ручки. Но это не значит, что мы технологию внедрили. Вместо ручек поставили компьютеры, цифры, всё перевели на цифровую основу. Но это только базисная основа для развития технологий разнообразных, разных, которые потянут за собой общество реальное. Теперь – о проекте «Наука». Наука – это все-таки некое общее понятие, обо всем – не поймёшь о чём. И понятно, что какие-то научные исследования будут важны, но в основном – фундаментальные, и прочее. Но извините, а где здесь технологическое развитие?

Однако у нас есть в стране, оказывается, инструмент для решения этой задачи. Называется он «Национальная технологическая инициатива», где прописано 9 базовых прорывных направлений именно технологического развития на ближайшие 10-20 лет. Разработаны с участием РАН и различных компетентных институтов и поддержаны правительством. Не просто прописаны, а уже внутри этой программы есть и более-менее налаженные механизмы управления этими направлениями, созданы ассоциации разнообразные, платформы, сети и протоколы информобмена... Там есть свой внутренний способ управления. Но – там небольшие деньги. Хотя там есть обмен информацией между участниками платформы, и так далее, и тому подобное, и уже начали создаваться инструменты типа «Сколково», «ИТМО» Санкт-Петербургского и др., т.е. уже в принципе есть инфраструктура, стартовая площадка

для быстрого рывка, но там не хватает ресурсов и не хватает системности в управлении. Для того, чтобы всё это изменить, надо поступить просто – сделать ещё один национальный проект «Национальная технологическая инициатива», т.е. придать ей, НТИ, статус проекта приказом, указом. И – всё. В результате – финансирование отдельное, сразу больше – в разы. И способ управления, администрирования – с отчётностью ведомств об исполнении, сроками, со всеми делами, и – поехали! И ясно, куда и что государству финансировать, и куда бизнес деньги понесёт – ему тоже станет это ясно.

АВБ. И стратегические цели.

СДБ. Стратегические цели будут, и сроки, и всё остальное, понимаете. И меритократическое управление, надо на этом настаивать – потому что в управлении у нас обычно находятся чиновники, понимаете? Это надо потому, что большинством голосов и демократией или решением волонтаристским чиновника не решить математическую проблему или физическую.

АВБ. Это даже странно, Вы знаете.

СДБ. Тем не менее, мы же именно так в основном пока и решаем.

АВБ. Да.

СДБ. У нас проблемы гораздо сильнее в экономике, есть более жесткие проблемы, чем математические или физические, а решаются простым большинством голосов, можно сказать, извините за выражение, плебса – не в обиду будь сказано, а потому, что большинство людей не подготовлены к решению этих задач. Не потому, что они плохие люди, они нормальные, но невозможно решать не свои задачи, а они – всё сложнее и сложнее, без подготовки не решить. Высококвалифицированная мотористка-швея не может без спецподготовки стать дояркой, понимаете? Надо на доярку поучиться сначала. И доярка не может «управлять государством». Точно также надо научиться управлять экономическими процессами, понимать их, разбираться с технологическими процессами, темпами развития, и так далее, и тому подобное. Там нужны специалисты. Ученые-управленцы, меритократы.

Так что, если говорить об эти всех вещах, отсюда мы переходим к чему? К тому, что до этого была у нас экономическая

политика, которая привела к деиндустриализации. Здесь можно чётко показать, что это было не в силу того, что глупые люди где-то наверху сидели, а что это была объективная абсолютно ситуация, довольно критичная, которую можно было смягчить, изменить. Но что делать, если можно было, да не срослось? Значит, теперь надо делать. Почему объективная ситуация? Объективная по простым причинам. У нас экономика была советская, специальная структура экономики была. Связность высокая предприятий. «Автоваз», ракетчики-космонавты, авиация – там 200, 300, 500 предприятий в кооперации. Управлять можно было только через какие-то плановые инструменты и прочее. При этом – большая территория.

Две проблемы возникли сразу с изменением ситуации у нас в Союзе. Во-первых, рынок. Рынок – это совершенно другие подходы в управлении и в организации; например, это натуральное хозяйство на предприятии, сразу тянет его на дно. Если в плановой системе мы запланировали, сколько нам дали на детский сад, на содержание, на что-то ещё такое, то здесь мы не можем запланировать и в себестоимость включить. Рыночная конкуренция, и всё остальное пошло. Понятно, что невозможно, сразу это всё отпадает, социалка падает. Предприятие не может сразу «разорваться», оно падает, проигрывает при открытом рынке иностранному конкуренту всегда.

А второе – развал хозяйственных связей. При широкой связности экономики развал связей – это еще тяжелее, чем рынок. Потому что, если связи производственные кончились – нет запчастей, нет комплектующих, нет того, нет сего. Связи финансовые закончились – нет денег, нет пятого-десятого, и так далее, и тому подобное. Нет людей, нет кадров, нет способов управления через какие-то советы научно-технические, и прочее, и прочее. Наоборот, закрываем себя, все – в конкуренции, и так далее, и тому подобное. Понимаете, сколько факторов работало на то, чтобы развалить наш Союз? И в этих условиях мы подошли к 1998-1999 годам, в условиях, когда резко снижались цены на основной наш экспортный продукт. И понятно, что мы попали в тяжелейшую финансовую зависимость от Запада. Огромные долги ещё от Советского Союза накапливались, и плюс накопились и за этот период времени. Это грозило чем? Развалом России, потерей суверенитета и потерей, деструкцией

России, дальнейшей потерей хозяйственных связей внутри России, полным развалом ее экономики.

Потом, помните, возникли парады суверенитетов на этой почве? В общем, шли к развалу. И, представьте себе, нас спасли две вещи. Первое, что мы сумели дать на экспорт сырье, нефть, газ – то, что сконцентрировало государство и смогло продать то, за что мировой рынок дал деньги, потому что цены на нефть поднялись в 2000-е годы. Во-вторых, мы сумели рассчитаться с долгами. Потому что долги – это, как показывает практика, удавка. Удавка, которая не позволяла бы принимать экономические или какие-то решения. Поэтому, когда говорят, что копили, мы копили деньги, все деньги засунули в кубышки, я сам об этом писал неоднократно, то здесь все-таки была достаточно объективная ситуация, надо было сделать две вещи: рассчитаться сначала, а потом кубышки ещё поднабрать на грядущий случай, поскольку цикличность экономического развития мирового, в экономическом обществе, очевидна, с разными длинами этого цикла и причинами – волны Кондратьева, как угодно называйте. Но они, все технологические волны и прочие, ложились на экономические, в результате появлялись кризисные явления, перекосы в развитии экономической системы, те или другие. Потом – провокационная какая-то точка возникает, всплеск, и всё, понеслось.

Вот для кризиса надо было иметь резерв. Но – какой резерв самый лучший? Два резерва. Либо это мощная стена, экономика, закрытая от всех, что мы не могли иметь, либо кирпичи на случай, если прорываются стенки, запас, резерв, заделывать пробоины. Поэтому говорить о том, что мы всё сплошь неправильно делали – это принципиально неверно. Другое дело, что мы ошиблись в чём? Недоценили риски деиндустриализации. И эти риски деиндустриализации на нас здорово негативно реализовались, как только мы попали под санкции. Надо было идти параллельно, на мой взгляд, сохраняя какие-то деньги и ресурсы, надо было пытаться оценивать, какие размеры денег нам потребуются для кризиса, и оценить, что гораздо сложнее, с учётом темпа и обновления технологической базы нашей, оценить её эффективность, с точки зрения устойчивости нашей экономики. Это было трудно сделать, и это никто не делал.

В результате мы получили к концу десятых годов деиндустриализацию уже серьёзную. Почему? Потому что та, предыдущая деиндустриализация, первый этап её, с девяностых годов – это развал, потому что хозяйственные связи развалились, и когда мы не могли купить ничего. Но когда у нас деньги появились, мы могли уже купить, мы могли остановить её. У нас еще многое было сохранено, и нам в мире ещё продавали всё это оборудование, и всё остальное, плюс еще сохранилась наша школа советская инженерно-технологическая, научная, и многие вещи сохранялись, поэтому, при наличии хотя бы минимальных вливаний, деиндустриализацию второго этапа можно было остановить. Но это не сделано было в своё время. В этом плане я считаю, что была ошибка вот эта. Но это не значит, что всё было вот так неправильно. Когда недавно выступал А.Кудрин, он сказал, что у нас на 1% всего был рост ежегодный в последние 15 лет, и академик А.Агабегян выступал, говорил, что у нас вообще ничего не выросло за сколько-то там времени, за 27 лет. Вот что он – считает 27 лет. Разве можно так считать? По цифрам – это так. Но – такого нигде ни у кого в мире не было. Нельзя, на мой взгляд, сравнивать нашу ситуацию и американскую экономику. Хотя кризисы там тоже были, были и президенты, которые, помните, Картер или Форд, не переизбирались на второй срок из-за того, что не могли сделать подъем в экономике. Рейганомикой Рейган сделал, поэтому у него было всё хорошо. На самом деле, извините, там таких проблем никогда не было и не могло возникнуть. Где рыночная проблема, проблема перехода к рынку? Ни разрыва хозяйственных связей, ничего такого не было, не наблюдалось, тем не менее кризисные явления были. Поэтому, полагаю, объективности ради надо считать не отсюда, а от той базы, в которую упала наша экономика в 2000-е года, вот от этой базы считать. Если 1% рост был даже за это время, надо опять сказать, что мы за это время, первые 4-5 лет, гасили просто долги и не могли копить. Убираем отсюда, получается уже 1,5% роста, а не 1%. И так далее и тому подобное. Правильно считать надо с учётом исторического контекста.

На сегодняшний момент у нас есть шансы выскочить вперёд. Новую индустриализацию надо проводить на новой технологической основе. Вкладывать в те самые НТИ-направления, вкладывать деньги из тех мешков, которые сегодня есть. 500

миллиардов долларов сегодня в золотовалютном резерве. Все кризисы, даже самый суровый, 2009 года, обошлись в 300 млрд, больше никогда не было, все дешевле были. Резервы есть – это первое. Второе, у нас накоплены триллионы долларов, не просто триллионы рублей. Там 27 триллионов рублей у частного сектора, у людей, которые лежат просто в банках и не работают на реальный сектор экономики. Значит, работают на спекулятивных рынках. Больше того, 42 триллиона рублей на сегодняшний день – это деньги предприятий, которые в депозитах. Это значит, что и они не работают. Я знаю людей, бизнесменов, у которых миллиарды рублей в депозитах, и нет ни одного проекта, который им приносил бы хоть какую-то рентабельность, хоть какую-то прибыль, если в реальный сектор вложить. И сегодня эти депозиты в рублёвом исчислении какой-то небольшой доход приносят, а в валютном исчислении – убытки. Потому что при инфляции в 4% у нас рост курса составил 22% за год (рубля к доллару), на 22% мы упали. Получается, что они несут убытки, «сидя» здесь, в депозитах, и не работают на нашу экономику. И так работает большинство, потому что 42 триллиона рублей – вот в таких депозитах.

А инвестиций нет почему? Потому что нет инвестиционного решения, нет этого четкого тренда, куда вкладывать. И вот тут я уверен – будет НТИ, будет поддержка государственная этой инициативы – появятся первые заводы, в которые нужно вкладывать, появится рентабельность, потому что появится спрос на эти вещи, потому что НТИ под спрос работает. Значит, спрос не удовлетворенный. Он сегодня удовлетворяется. Кем? Импортом, нашими иностранными «партнерами». Например, то же программное обеспечение. Мы в этом году впервые стали приличными экспортёрами программного обеспечения, это важное достижение, но при этом мы ещё покупаем примерно столько же импорта. Почему? Потому что мы не довели до наших предприятий, до наших реципиентов, потребителей, наши возможности. Это – тоже элемент такой работы, инфраструктура для доведения должна быть создана, государством создана. Особые зоны, способы налоговой политики, и так далее, и тому подобное.

Или взять, например, развитие новых проектов. Сколькими бумагами обложено получение, например, более или менее дешёвых денег из фонда поддержки промышленности! У нас фонд

не выбирается, потому что предприятия не берут. А знаете, сколько за 3 года, что ли, денег дали промышленности из фонда поддержки? Аж 40 миллиардов рублей. При том, что потребность в инвестициях составляет триллионы, понимаете? А люди не берут, потому что там такая прописана «драконовская» ответственность за то, за сё, причем это же – возвратные деньги, не просто так. Вместо того, чтобы дать деньги просто так, вот просто дать деньги на новые проекты – и пусть из 10 будет 1 реализован и даст результат, это обычная практика в мире, но он окупит всё, если говорить об окупаемости. Он окупит не государственные инвестиции, он окупит экономические инвестиции общества, включая государство, в развитие всего общества: школы, больницы те же самые, услуги, и всё остальное. Качество жизни.

Вот в этом плане говорить о реиндустриализации надо в самом конце книжки, рассказывая о том, что у России есть, исходя из общих трендов, возможности, шансы, заделы во всех областях, технологические заделы. И есть деньги на это всё, и мы можем и должны что-то сделать. Толстую книжку мою, лет пять-семь тому назад написанную, о реиндустриализации – перевернуть наизнанку и вставить сюда. Помните, когда я говорил, что я, когда продвигал концепцию нового индустриального общества второго поколения и ноообщества, наоборот шёл? Сначала – о реиндустриализации, потом о НИО.2, и только потом – о ноономике? Потому что, начни я с ноономики, люди не могли бы поверить. Даже и сейчас, когда я написал про ноономику, что сказал главный экономист академии наук, товарищ Воейков? Что Бодрунов – то ли Жюль Верн, то ли Карл Маркс, который Манифест написал.

АВБ. Всё одновременно.

СДБ. Но мне сдаётся, что сейчас уже можно так построить повествование, когда, что называется, карты раскрыты, и даже нужно прописать все так, как я только что проговорил. Вот тогда станет понятно, зачем нужна так остро реиндустриализация нашей российской экономики, технологическая модернизация России. На этом, полагаю, сегодня можно завершить.

АВБ. Да. Спасибо. Жду Вашей новой книги.